

Александр Нечаев

Как возникла наша первая лаборатория экспериментальной педагогической психологии

Предтечи

Мне предложили рассказать о том, как возникла наша первая экспериментально-психологическая лаборатория. Теперь, вспоминая это событие, понимаю, что как сам момент, так и форма возникновения этого учреждения были очень характерны для истории нашей многострадальной педагогической науки. Те обстоятельства, при которых суждено было возникнуть нашей лаборатории, как мне теперь кажется, оказались довольно характерными для понимания того положения, которое в свое время заняло юное психологическое движение в нашей русской жизни. В 1896 г. я был приглашен покойным ныне В.А. Латышевым (занимавшим в то время должность директора народных училищ в Петрограде) прочесть несколько лекций по психологии для народных учителей, съехавшихся в округ по делам кассы взаимопомощи. Это были мои первые публичные выступления. С жаром, свойственным молодости, я говорил о задачах современной психологии и о том, что, по-моему, должно было особенно интересоваться учителей — о памяти и внимании. Аудитория встретила меня равнодушно. После лекции завязалась оживленная беседа, прощаясь, учителя меня благодарили. Но я сам ушел домой с чувством глубокого смущения. Я понял, что усиленно собрав весь свой научный багаж, я в конце концов не мог дать своим слушателям ничего, кроме слишком общих положений, не могущих осветить трудностей школьной практики. Я говорил о разных видах памяти (по Т. Рибо), а меня спрашивали, какой вид памяти больше всего распространяется среди детей, как отражаются особенно-

сти памяти на успехах учащихся, можно ли память перевоспитать... Я сознавал, что для добросовестного ответа на все эти вопросы у меня нет знаний, и я лавировал, как ученик, взявший на экзамене неподходящий билет. Много вопросов, помнится, вызвали и мои общие рассуждения о внимании. Учителям опять-таки захотелось знать, почему в разных возрастах дети не одинаково внимательны и какими средствами следует в разных случаях вызывать внимание детей. Мне и здесь приходилось отделяться общими положениями, ссылаясь на то, что «частные случаи должны быть каждый раз тщательно обследованы». Однако в глубине своей души я хорошо сознавал, что если бы сейчас предложили мне для исследования хоть один такой «частный случай», то я не знал бы, с какой стороны к нему приступить...

Потребность в прикладных знаниях

Чувство смущения, вынесенное мною из этой беседы с учителями, особенно увеличивалось теми горячими благодарностями, которыми они меня провожали. Меня, зеленого юношу, взрослые и пожилые люди благодарили за то, что я «делился с ними своими знаниями». Все мои недомолвки они невольно объясняли той разницей, которая естественно должна быть между ними, «мало подготовленными людьми», и мной, человеком «с университетским образованием» и «специально занимающимся психологией для подготовки к профессорскому званию». И я чувствовал себя перед ними почти обманщиком... Здесь впервые в своей жизни я всем существом понял глубокую ложь тех предрассудков, которые заставляли известную часть университетской молодежи моего времени, отдаваясь интересам «чистой науки», смотреть с пренебрежением на всякое прикладное знание, как на какой-то компромисс между миром науки и той прозой жизни, что копошится *pro-fanum vulgus*. Я наглядно увидел, что вопросы практической жизни могут явиться не только величайшим стимулом для работы теоретической мысли, но и средством, до известной степени контролирующим ценность научных приобретений.

Приват-доцент Санкт-Петербургского университета

Через год после описанных бесед с учителями я стал приват-доцентом Петроградского университета. Моя вступительная лекция, по-видимому, прошла довольно бойко и я сразу получил значительную аудиторию. Мною был объявлен курс по истории психологии в первой половине XIX века. Как я усердно готовился к этому курсу и как я боялся произвести впечатление недостаточно осведомленного в своем предмете! Мое состояние на университетской кафедре было в то время состоянием какого-то вечного са-

мооправдания. Пускаясь в сложнейшие анализы и подробные справки, нагромождая одну на другую ученые цитаты и приводя длинные списки книг, я не думал о том, насколько все это действительно может пригодиться моим слушателям. Я хотел только, чтобы моя репутация «специалиста по психологии» была высока. Помню, как мне даже доставил некоторое удовольствие слух, что мои лекции оказались «чересчур специальными».

Так было в первом семестре, пока еще продолжалось опьянение от радостной мысли, что я — уже университетский преподаватель. К счастью, это настроение было недолгим. Первый угар прошел, и я стал чувствовать ненужность своей работы. Я понял, что и здесь, в университетской аудитории, только тогда можно получить нравственное удовлетворение, когда ближе подойдешь к реальным интересам своих слушателей.

Заграничная командировка

В 1898 г. я получил заграничную командировку на два с половиной года. Я попал в Геттинген со своей почти готовой магистерской диссертацией на тему, предложенную мне профессором А.И. Введенским, о психологии Гербарта. Однако, очутившись в центре экспериментальной психологии, я понял, что мне приходится решать серьезный жизненный вопрос о том, куда направлять свои силы, — в сторону ли изучения истории психологии и отношения ее к гносеологии, или в сторону изучения эмпирических методов исследования психических явлений. Я был довольно начитан в философской литературе и уже несколько лет усердно занимался историей психологии. Но мое знакомство с методами современного исследования психических явлений было ничтожно. В университете под названием «психология» профессор А.И. Введенский давал нам своеобразную комбинацию из рассуждений по гносеологии, определений некоторых психологических терминов, отрывочных описаний нервной системы и ряда примеров из сочинений В.Джемса, Т.Рибо, Г.Гейдингга. Кроме опытов Э.Вебера и Г.Эббингауза, ни о каком экспериментально-психологическом материале даже не упоминалось. Конечно, и намека не было на какую бы то ни было демонстрацию методов психологического исследования. Хроноскоп Гиппа мне удалось в первый раз видеть (и то не в действии) уже после окончания университета в физиологической лаборатории Петроградского университета, где в то время работал приват-доцент Мендельсон, интересовавшийся вопросами психологии. Статистический метод исследования мне был знаком только понаслышке.

Решение заняться экспериментальной психологией

С такой подготовкой, конечно, было несравненно легче заняться историей психологии, чем методикой исследования. Для последних работ требовался целый ряд дополнительных знаний по физиологии, психопатологии и математике. Правда, по окончании университета мне удалось прослушать курс анатомии у профессора П.Ф. Лесгафта и физиологии у профессора Н.Е. Введенского, но, конечно, это было мало. Самое же главное затруднение состояло в том, что мне, филологу по образованию, надо было выработать совсем новые приемы мысли, новые точки зрения на задачи научной работы. Не скрою, что в то время особенно сильного влечения к эмпирическим исследованиям я еще в себе не замечал. Мне просто только казалось невыносимым отдавать свои лучшие годы на изучение той науки, современное состояние которой для меня неизвестно. Неприятно было чувствовать свое бессилие при попытках разобраться в современной психологической литературе. В то же время я чувствовал, что, упустив подходящие обстоятельства, я никогда не смогу овладеть эмпирической психологией. И я решил отдать себя изучению экспериментально-психологической науки.

Постановка проблемы собственных исследований

Целые дни проводил я в институте профессора Г.Мюллера. И чем больше знакомился я с безграничной областью экспериментальной психологии, тем больше выяснялась необходимость подчинить изучение этой новой для меня науки какому-нибудь определенному плану, поставить себе ясную цель, которая могла бы служить руководящим началом в моих занятиях. И здесь я вспомнил о своей первой беседе с народными учителями. Мне стало ясно, что разбираться в психологических трудностях, выдвигаемых ежедневной педагогической работой, можно только обратившись к строго эмпирическим методам исследования. И я поставил себе целью проследить, в какой степени экспериментальная психология могла бы осветить вопросы школьного обучения.

Вопрос был новый. В Европе в то время не было еще ни одной экспериментально-психологической лаборатории, ни одного общества, посвященного экспериментально-психологической разработке педагогических вопросов. В Германии при мне вышел только первый номер «*Zeitschrift für pädagogische Psychologie*».

Когда я обратился к профессору Г. Мюллеру с просьбой указать литературу по интересующему меня вопросу об отношении психологии к педагогике, то он назвал пару статей, сказал, что в этой области еще ничего не сделано. Такое положение дела еще больше подстегнуло меня к работе. Я

Практическая работа в учебных заведениях Германии

Неудовлетворенность использования психологии в практическом плане

начал внимательно вчитываться в сочинения по дидактике и методам отдельных предметов, с целью отдать себе отчет в характере основных дидактических проблем, которые могли бы быть выяснены психологическим путем. Должен отметить, что работа в этом направлении была очень облегчена мне изучением И. Гербарта, начатым еще во времена студенчества, когда, между прочим, мною была переведена на русский язык его «Психология».

Одновременно с изучением педагогической литературы я посещал школы. В Геттингене мне удалось наблюдать постановку дела в детских садах разных типов, в народной школе, так называемой средней школе и в женских гимназиях. Впоследствии, по специальному разрешению из Берлина мне была предоставлена возможность, посещать и в других городах классические гимназии и реальные училища. Посещение школ, слушание университетских лекций по педагогике, школоведение и школьной гигиене, беседы с учителями убедили меня в том, что и немецкая педагогика, которую в то время так усиленно ставили нам в образец, переживает кризис. Общие дидактические положения, когда-то психологически разъяснявшиеся Гербартом, превратились в трафарет. Методические приемы, созданные для начального обучения, механически были перенесены в среднюю школу вплоть до старших классов. Рутинная окутала все своей мертвой петлей. Дух искания замер. Это положение дела, впрочем, уже сознавалось небольшой частью немецких учителей, которые тогда начинали робко говорить «о позабытой детской душе».

Невольно возникает вопрос: как могло это случиться? Германия, провозгласившая устами Гербарта мысль о необходимости строить педагогику на основе психологии, позабыла о детской душе!.. Эта загадка до известной степени стала для меня проясняться, когда, проработав целый год в Геттингене, я переехал в Йену и близко познакомился с деятельностью профессора Рейна и постановкой занятий в его университетском семинаре. Я до сих пор с удовольствием вспоминаю стройный курс «Введения в педагогику», горячо проведенный Рейном, но, с другой стороны, до сих пор помню то глубокое удивление, которое мне пришлось испытать, слушая Рейна по психологии. На своих лекциях он преподносил слушателям в чистейшем виде Гербарта. Иначе говоря, на пороге XX века с университетской кафедры излагалась под видом современной психологии психологическая система первой четверти XIX века. Правда, в конце лекции, посвященной определенному вопросу, Рейн часто прибавлял, что теперь эта проблема

разработана дальше и даже указывал новые книжки, посвященные разработке этих проблем, но, — увы! — содержание этих книжек ни в малейшей степени не отражалось на его собственном курсе. Да это и понятно. Богослов и философ по образованию, Рейн очень рано попал на попрание педагогической практики. Природный талант и большое трудолюбие выдвинули его как замечательного знатока современного положения и истории школьного дела. В результате — известная рейновская «Педагогическая энциклопедия» и университетский педагогический семинар в Йене. Пока шла эта кипучая литературная и педагогическая деятельность Рейна, происходили большие изменения в методах психологических исследований. Возникла лаборатория Вундта, наметились новые экспериментально-психологические проблемы. Это движение в Германии долгие годы не захватывало педагогических вопросов. Внимание психологов на первых порах было всецело поглощено методикой исследования, а педагоги герbartовской школы еще не успели почувствовать возможного значения новых психологических методов для науки о воспитании. И в результате герbartианская педагогика оказалась далеко отставшей от своего теоретического базиса — психологии.

Работа в немецких психологических лабораториях

Эти соображения еще больше укрепили мое намерение поработать в области педагогической психологии, поставив основной своей целью выяснение вопроса о педагогическом значении психологического эксперимента. Мои занятия экспериментальной психологией, начавшись в Геттингене у профессора Мюллера, продолжались в Йене у профессора Циена и Лейпциге у профессора Вундта и доктора Штерринга. В один из перерывов между семестрами я познакомился с организацией лаборатории Крепелина в Гейдельберге, а в начале третьего года своей командировки поехал в Цюрих и завязал знакомство с Мейманом, который в то время тоже начинал увлекаться вопросами экспериментальной педагогики. Во время психологического конгресса в Париже я побывал в лаборатории Бинэ. Когда-нибудь мне хотелось бы подробнее рассказать об этом, о том, как были организованы в то время занятия психологией в германских университетах и что именно удалось мне вынести от каждого из своих руководителей.

Работа в немецких психологических лабораториях и психиатрических клиниках, несколько подготовленная моими предшествующими двухгодичными занятиями на естественном факультете, который я посещал по окончании сво-

его филологического образования, сильно отразилась на моих умственных навыках и **в**кусах. Я с благодарностью вспоминаю углубленные курсы и лабораторные занятия профессора Мюллера с его строгими методическими требованиями, отчетливую технику Циена, в которой физиологические методы исследования органически переплетаются с психологией, вдумчивого Штерринга, умевшего сочетать с психологическим экспериментом свои планомерные психиатрические наблюдения, и гениального Вундта, соединявшего тонкую наблюдательность экспериментатора с широкими концепциями мыслителя. Общим результатом всех своих занятий было решение отдать свои силы разработке проблем педагогической психологии. Мне казалось, что в этом решении я нашел разгадку давно назревшего вопроса связи моей научной деятельности с живыми потребностями страны. Я вспоминал мечты К.Д. Ушинского о постановке воспитания на антропологических основаниях. С волнением ловил я известия о проекте коренных реформ русской школы. И мне казалось, что моя работа над выяснением психологических основ обучения может кому-нибудь пригодиться. Помню еще одно своеобразное чувство, которое возникло у меня при погружении в интересы эмпирической науки. Передо мною открылась заманчивая бесконечность знаний, поэзия исканий. Обработка результатов моих первых экспериментов дала мне величайшую радость, которую может понять только исследователь. Я чувствовал, что каждая подобная работа — только первое звено в бесконечной цепи следующих усилий, влекущих за собой новое знание и новую радость.

Изменение темы диссертации

Судьба моя была решена. Я написал письмо профессору А.И. Введенскому с извещением, что оставлю предложенную им тему для магистерской диссертации и, вместо вопроса о метафизических элементах в психологии Гербарта, буду готовить книгу о современной экспериментальной психологии в ее отношении к вопросам школьного обучения. На это письмо я ответа не получил. Признаюсь, что в разгаре работы я не придавал этому обстоятельству особого значения и, продолжая свой труд, решил даже до возвращения в Россию опубликовать некоторые части своей книги. В журнале профессора Ф.Ф. Эрисмана появилась моя статья «К вопросу о нормальной умственной работе», а в журнале профессора Г. Эббингауза — мой доклад на Парижском конгрессе «Экспериментальные исследования к вопросу о развитии памяти в школьном возрасте».

Перед возвращением в Россию я получил два важных для меня документа, — во-первых, приглашение директора Педагогического музея военно-учебных заведений А.Н. Макарова читать лекции по психологии на вновь учрежденных курсах для воспитателей кадетских корпусов, а, во-вторых, — письмо от декана историко-филологического факультета Петербургского университета П.В. Никитина с извещением, что факультет сочувственно отнесся к моему заявлению о желании организовать практические занятия по экспериментальной психологии и ассигновал мне на первоначальное приобретение психологических аппаратов 500 рублей. Таким образом, у меня сразу оказывались педагогическая аудитория и начало психологического кабинета.

Первый год по возвращению в Россию был полон веселых забот. Я читал лекции по психологии в университете, Соляном городке для воспитателей кадетских корпусов и на Фребелевских курсах. Вместе с этим я налаживал в университете психологический кабинет. Помню, что когда пришли из-за границы мои аппараты, у меня в университете не было для них свободного угла. Наметив маленькую аудиторию, я вошел в соглашение со всеми профессорами, читавшими там лекции, прося перейти их в другие аудитории, иногда несколько переставив для этого часы занятий. Затем, представив ректору письменные удостоверения о том, что это сделано, я просил разрешение поставить свои аппараты в свободной комнате. После этого комната была закрыта мною на ключ, а на дверях ее помещена доска с надписью «Психологический кабинет». Через месяц я просил факультет произвести в этом кабинете некоторые переделки, повесить темные шторы и приобрести необходимую мебель. Это было сделано и, таким образом, почти явочным порядком возник психологический кабинет при Петроградском университете. Однако мне не суждено было приложить своего труда к развитию занятий в этом учреждении. Начатая работа внезапно прервалась.

По возвращению из-за границы я сразу приступил к печатанию за счет факультета своей книги «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения». В 1901 г. книга вышла в свет, и осенью того же года был предложен мой диспут. Мои тезисы были уже сданы в типографию и подписаны деканом к печати, но 24 октября 1901 г. С.Ф. Платонов в качестве декана уведомил меня «с истинным горем», что моя диссертация провалена большинством голосов, причем факультет

постановил выдать мне единовременное пособие в поощрение моей приват-доцентской деятельности и ассигновать по 400 рублей в год на психологический кабинет. На это письмо я ответил, что решение факультета, всегда поощрявшего мою научную деятельность, я принимаю с чувством полного уважения, так как уверен, что на основании отзыва, представленного А.И. Введенским, он иначе поступить не мог, но в то же время считаю долгом разъяснить, что между моей отвергнутой диссертацией и моей преподавательской деятельностью в университете существовала органическая связь, почему в настоящее время я не считаю для себя возможным ни остаться в числе преподавателей, в числе приват-доцентов, ни принять назначенное мне пособие. В то же время я просил о напечатании отзыва А.И. Введенского в «Журнале Министерства народного образования». Никогда не забуду состояния тяжелой подавленности, пережитой мною в это время.

Отзывы о работе зарубежных психологов

Я не сомневался в том, что стоял на правильном пути работы, но я думал, что мои силы не соответствуют величине завовавшей меня задачи. Я серьезно ставил себе вопрос: не ошибся ли я в своем призвании, считая себя пригодным для научной деятельности? Не следует ли мне поскорее исправить ошибку и приложить силы к чему-нибудь другому?.. Но, к счастью, этот период угнетения был недолог. Стали появляться признаки, что и моя работа может встретить сочувственный отклик. Как нарочно, почти в самый день провала моей диссертации, я получил книжку чешского журнала, где профессор Пражского университета Чада в самых лестных словах характеризовал мое сочинение, а вслед за этим до меня дошел отзыв профессора Монро, который признавал мою книгу «строго научной попыткой приложения экспериментальной психологии к воспитанию и опровержением догмы, будто эта новая наука не имеет прямого значения для учителя». Когда вслед за этим в «Журнале Министерства народного просвещения» появился отзыв А.И. Введенского, признавшего мою книгу «бесспорно смешной и «вредной», то я понял, что мне еще рано ставить крест на себе как научном работнике. Напротив, приемы полемики, пущенные против меня в ход, наглядно заставили меня понять, как близко вопросы науки соприкасаются с вопросами культуры и как часто борьба за форму научной деятельности является лишь отголоском других, более глубоких культурных разногласий. (К истории этого вопроса: рецензия А.И. Введенского на книгу А.П. Нечаева «Современная экспериментальная психология... Журнал Министерства народного про-

Создание экспериментально-психологической лаборатории в Педагогическом музее

свещения, декабрь, 1901; А. Нечаев. Ответ г. проф. А. И. Введенскому, Журнал Министерства народного просвещения, январь, 1902; А. И. Введенский. Об экспериментальной дидактике А. П. Нечаева. СПб., 1902; Отказ профессора А. И. Введенского от третейского разбирательства (документы), изд. А. П. Нечаева. СПб., 1902; Решение третейского суда по делу между А. П. Нечаевым и А. И. Введенским. «Речь», 29 марта 1906 г.)

Оставление университета и лишение психологического кабинета не порвало моей научной деятельности. Узнав о провале моей диссертации и мое решение уйти из числа приват-доцентов, директор Педагогического музея А. Н. Макаров сказал: «Мы вам поможем создать лабораторию не хуже университетской». И действительно, в тот же год на 1500 рублей мною было выписано психологических приборов. В последующие годы ассигновка на развитие лаборатории не прекращалась. В то же время мне была предоставлена полная возможность допускать до занятий в лабораторию, кроме воспитателей кадетских корпусов, всех лиц, серьезно интересующихся психологией. И у меня работали студенты, курсистки, учителя и врачи. Военное ведомство не отказывало мне в выписке нужных книг и журналов и систематически командировало меня на все заграничные психологические конгрессы. В то же время для производства мною психологических наблюдений в мое распоряжение были представлены все кадетские корпуса. Уютная, трудовая атмосфера Соляного городка вселяла надежду, придавала силы в новом для меня деле.

В рукописи нет указаний на конкретную дату. Предположительно текст написан после Октябрьской революции 1917 г. Время, когда А. П. Нечаев стал организатором и первым ректором Самарского педагогического института.

